

Волк и коза

Русская народная сказка

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдёт, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдёт в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко.

Волк всё это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошёл к избушке и закричал своим толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла,
Полны копытца водицы!

А козлятки отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поёт тонким голоском и не так причитает.

Волк ушёл и спрятался.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поесть.

Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придёт кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберёт всего, что она им причитывает, — того ни за что не впускать в двери.

Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлята отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козлёночек схоронился, в печь влез.

Приходит коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается.

Подошла поближе к дверям и видит, что всё отворено; в избу — а там всё пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал.

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужели-таки я сделаю это! Пойдём в лес, погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья.

— Пойдём! — уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня.

Коза говорит волку:

— Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?

Стали прыгать.

Волк прыгнул да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери.

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избыывать.

Зимовье зверей

Русская народная сказка

Шёл бык лесом; попадается ему навстречу баран. «Куды, баран, идёшь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу», — говорит баран. «Пойдём со мною!» Вот пошли вместе; попадается им навстречу свинья. «Куды, свинья, идёшь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу», — отвечает свинья. «Иди с нами!» Пошли втроём дальше; навстречу им попадается гусь. «Куды, гусь, идёшь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу», — отвечает гусь. «Ну, иди за нами!» Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух. «Куды, петух, идёшь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу», — отвечает петух. «Иди за нами!»

Вот идут они путём-дорогою и разговаривают промеж себя: «Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?» Бык и сказывает: «Ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамёрзнем». Баран говорит: «У меня шуба тепла — вишь, какая шерсть! Я и так прозимую». Свинья говорит: «А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюся в землю и без избы прозимую». Гусь говорит: «А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся, — меня никакой холод не возьмёт; я и так прозимую». Петух говорит: «И я тож!» Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать. «Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить». Выстроил себе избушку и живёт в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран — делать нечего — приходит к быку: «Пусти, брат, погреться». — «Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так переживешь. Не пущу!» — «А коли не пустишь, то я разбежусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее». Бык думал, думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит» — и пустил барана. Вот и свинья прозябла, пришла к быку: «Пусти, брат, погреться». — «Нет, не пущу; ты в землю зароешься и так проживешь!» — «А не пустишь, так я рылом все столбы подрю да твою избу уроню». Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух: «Пусти, брат, к себе погреться». — «Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так проживете!» — «А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет». — «Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу наверх, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет». Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся, и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех наживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана; а для себя петуха». — «Хорошо, кумушка, — говорят медведь и волк, — мы твоих услуг никогда не забудем!»

Лиса привела их к избушке. «Кум, — говорит она медведю, — отворяй дверь, я первая пойду, петуха съем». Медведь отворил дверь, лисица вскочила в избушку. Бык увидел её, разъярился, баран закричал; лиса испугалась и в угол заби- лась. «Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк. — Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду». — «Ну, ступай». Медведь отворил дверь, а волк вскочил в из- бушку. Бык и прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, волк и удрал в страхе.

Вот медведь ждал, ждал: «Что он до сих пор не может управиться с бараном! Дай я пойду». Вошёл в избушку, а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался и пустился бежать без оглядки.

Кот и лиса

Русская народная сказка

Жил-был мужик; у него был кот, только та- кой шkodливый, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понёс в лес. Принёс и бро- сил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил, ходил и набрёл на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полёживает себе, а захочет есть — пойдёт по лесу птичек да мыш- шей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса, увидела кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». По- клонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый

мóлодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашёл и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам старостой, а зовут меня Котофей Иванович». — «Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; ну, пойдём же ко мне в гости». Кот пошёл к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама спрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты или холост?» — «Холост», — говорит кот. «И я, лисица, — девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать: «Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали». — «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан старостой Котофей Иванович? Я теперь его жена». — «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Волк побежал за бараном.

Идёт лиса, а навстречу ей медведь. «За кого же ты, Лизавета Ивановна, замуж вышла?» — «А за того, кто прислан к нам из сибирских

лесов старостой, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла». — «Нельзя ли посмотреть на него, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Медведь потащился за быком.

Принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит — и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» — «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» — «Нет, брат, давно дожидаю». — «Ступай, зови». — «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня». — «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда нё взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Поди-ка сюда, косою чёрт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косою пострел, знаешь, где живёт лисица?» — «Знаю, Михайло Иванович!» — «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». — «А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам взлез на сосну, на

самую таки макушку, и поглядывает: не идёт ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном». — «Ступай, косою! Сейчас будем».

Вот идёт кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идёт лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришёл кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нём взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами, и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберётся!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, — думает медведь, — увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печёнки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Белая уточка

Русская народная сказка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высоко терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось, такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу!

А там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине.

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки её вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех погубить; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех погубить; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовёт деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белые, как платочки, холодны, как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Тёмну ночь недосыпала.

Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка разговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живёт — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даёт; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он её за крылышко и говорит:

— Стань, белая берёза, у меня позади, а красная девица впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей.

Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добра наживать, худо забывать.

А ведьму изгнали из княжества навсегда в лес жить, чтобы никому больше не смогла навредить, и не осталось от неё ни следа, ни памяти!

Царевна-лягушка

Русская народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь». Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакуша. Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!» — «Бери! — отвечает ему царь. — Знать, судьба твоя такова».

Вот женились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жёны ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невестел, ниже плеч буйну голову повесил. «Кваква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягушка. — Аль услышал от отца своего слово неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый

хлеб». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки».

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям: «Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невестел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать — чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!»

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни

взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковёр золотом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невестел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово неприветливое?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» — «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром — скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?» Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала». Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем

да косточки за правый рукав спрятала. Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич уллучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился Богу на все на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят. Шёл он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадаетеся ему навстречу старичок. «Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?» Царевич рассказал ему своё несчастье. «Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот

тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком. Идёт чистым полем, попадает ему медведь. «Дай, — говорит, — убью зверя!» А медведь провещал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе». Идёт он дальше, глядь, — а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь!» Он пожалел и пошёл дальше. Бежит косою заяц: царевич опять за ружьё, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошёл дальше — к синему морю, видит — на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-царевич, — провещала щука, — сжался надо мною, пусти меня в море». Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — ко мне передом, а к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба-яга костяная нога, нос в потолок врос <...>, сама зубы точит. «Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?» — спрашивает Баба-яга Ивана-царевича. «Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-

напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала».

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. «А, знаю! — сказала Баба-яга. — Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кошеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кошей как свой глаз бережёт».

Указала Яга, в каком месте растёт этот дуб; Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда нё взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит её — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кошей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго, и счастливо.

Как мужик гусей делил

Русская народная сказка

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова — тебе голова.

Потом отрезал задок, подаёт барыне.

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть — тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям.

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся награбил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки — всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал. Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся, дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусём.

Одного дал сыновьям.

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

Мена

Русская народная сказка

Купался богатый купец в реке, попал на глубокое место и стал тонуть. Шёл мимо старик мужик-серячок, услышал крик, кинулся — и купца из воды вытащил. Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в город, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиною с конскую голову.

Взял золото мужичок и идёт домой, а навстречу ему барышник — целый табун лошадей гонит:

— Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?

— Из города, от богатого купца.

— Что же тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Отдай мне золото, возьми лучшего коня.

Взял старик лучшего коня, поблагодарил и пошёл дальше.

Идёт старик, а навстречу ему пастух волов гонит:

- Здравствуй, старик! Откуда бог несёт?
- Из города, от купца.
- Что же тебе купец дал?
- Золота с конскую голову.
- А где же оно?
- Променял на коня.
- Променяй мне коня на любого вола.

Старик выбрал вола, поблагодарил и пошёл. Идёт старичок, а навстречу овчар — гонит овечьё стадо:

- Здравствуй, старичок! Откуда бог несёт?
- От богатого купца, из города.
- Что же тебе купец дал?
- Золота с конскую голову.
- Где же оно?
- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- Променяй мне вола на любого барана.

Взял старик лучшего барана, поблагодарил и пошёл дальше. Идёт старик, а навстречу свинопас — поросят гонит:

- Здравствуй, старик! Где был?
- В городе, у богатого купца.
- Что же тебе купец дал?
- Кусок золота с конскую голову.
- Где же оно?
- Променял на коня.
- А конь где?
- Променял на вола.
- А вол где?

— Променял на барана.

— Давай мне барана, бери себе лучшего поросёнка.

Выбрал старик поросёнка, поблагодарил па-
стуха и пошёл.

Идёт старик, а навстречу ему коробейник с
коробом за спиной:

— Здравствуй, старик! Откуда идёшь?

— От купца, из города.

— А что тебе купец дал?

— Золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

— А баран где?

— Променял на порося.

— Променяй мне поросёнка на любую иглу.

Выбрал старик славную иголку, поблагодарил
и пошёл домой. Пришёл старик домой, стал
через плетень перелезать и иглу потерял. Вы-
бежала старику навстречу старушка:

— Ах, голубчик мой, я без тебя здесь совсем
пропала! Ну, рассказывай: был ты у купца?

— Был.

— Что тебе купец дал?

— Кусок золота с конскую голову.

— Где же оно?

— Променял на коня.

— А конь где?

— Променял на вола.

— А вол где?

— Променял на барана.

- А баран где?
- Променял на поросёнка.
- А поросёнок где?
- Променял на иглу: хотел тебе, старая, подарочек принести, стал через плетень перелезать и потерял.
- Ну хорошо, голубчик, что ты хоть сам вернулся! Пойдём в избу ужинать.
- И теперь живёт старичок со старушкой, счастливы и без золота.

Две голи

Русская народная сказка

Жил да был мужик, прижил двух сыновей и помер. Задумали братья жениться: старший взял бедную, младший — богатую; а живут вместе, не делятся. Вот начали жёны их меж собой ссориться да вздорить; одна говорит: «Я за старшим братом замужем; мой верх долён быть!» А другая: «Нет, мой верх! Я богаче тебя!» Братья смотрели-смотрели, видят, что жёны не ладят, разделили отцовское добро поровну и разошлись. У старшего брата что ни год, то дети рожаются, а хозяйство все хуже да хуже идёт; до того дошло, что совсем разорился. Пока хлеб да деньги были — на детей глядя, радовался, а как обеднял — и детям не рад!

Пошёл к меньшому брату: «Помоги-де в бедности!» Тот наотрез отказал: «Живи, как сам знаешь! У меня свои дети подрастают». Вот немного погодя опять пришёл бедный к богатому.

— Одолжи, — просит, — хоть на один день лошади; пахать не на чем!

— Сходи на поле и возьми на один день; да смотри — не замучь!

Бедный пришёл в поле и видит, что какие-то люди на братниных лошадях землю пашут.

— Стой! — закричал. — Сказывайте, что вы за люди?

— А ты зачем спрашиваешь?

— Да то, что эти лошади моего брата!

— А разве не видишь ты, — отозвался один из пахарей, — что я — Счастье твоего брата. Он пьёт, гуляет, ничего не знает, а мы на него работаем.

— Куда же моё Счастье делось?

— А твоё Счастье вон там-то под кустом в красной рубашке лежит, ни днём, ни ночью ничего не делает, только спит!

«Ладно, — думает мужик, — доберусь я до тебя».

Пошёл, вырезал толстую палку, подкрался к своему Счастью и вытянул его по боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашивает:

— Что ты дерёшься?

— Ещё не так прибью! Люди добрые землю пашут, а ты без просыпу спишь!

— А ты небось хочешь, чтоб я на тебя пахал? И не думай!

— Что ж? Всё будешь под кустом лежать? Ведь этак мне умирать с голоду придётся!

— Ну, коли хочешь, чтоб я тебе помог, так ты брось крестьянское дело да займись торговлею. Я к вашей работе совсем непривычен, а купеческие дела всякие знаю.

— Займись торговлею!

— Да было бы на что! Мне есть нечего, а не то что в торг пускаться.

— Ну хотьними со своей бабы старый сарафан да продай, на те деньги купи новый — и тот продай! А уж я стану тебе помогать: ни на шаг прочь не отойду!

— Хорошо!

Поутру говорит бедняк своей жене:

— Ну, жена, собирайся, пойдём в город.

— Зачем?

— Торговать начну.

— Да ты что? Детей кормить нечем, а он в город норовит!

— Не твоё дело! Укладывай всё имение, забирай детишек, и пойдём.

Вот и собрались. Помолились Богу, стали наглухо запирать свою избушку и услышали, что кто-то горько плачет в избе. Хозяин спрашивает:

— Кто там плачет?

— Это я — Горе!

— О чём же ты плачешь?

— Да как же мне не плакать? Сам ты уезжаешь, а меня здесь покидаешь.

— Нет, милое! Я тебя с собой возьму, а здесь не покину. Эй, жена! Выкидывай из сундука свою поклажу.

Жена опорожнила сундук.

— Ну-ка, Горе, полезай в сундук!

Горе влезло, он его запер тремя замками, зарыл сундук в землю и говорит:

— Пропадай ты, проклятое! Чтоб век с тобой не знаться!

Приходит бедный с женой и с детьми в город, снял себе квартиру и начал торговать: взял

старый женин сарафан, понёс на базар и продал за рубль; на те деньги купил новый сарафан и продал его за два рубля. И вот таким-то счастливым торгом, что за всякую вещь двойную цену получал, разбогател он в самое короткое время и записался в купцы. Услыхал про то младший брат, приезжает к нему в гости и спрашивает:

— Скажи, пожалуй, как это ты ухитрился — из нищего богачом стал?

— Да просто, — отвечает купец, — я своё Горе в сундук запер да в землю зарыл.

— В каком месте?

— В деревне, на старом дворе.

Младший брат чуть не плачет от зависти, поехал в деревню, вырыл сундук и выпустил оттуда Горе.

— Ступай, — говорит, — к моему брату, разори его до последней нитки!

— Нет! — отвечает Горе. — Я лучше к тебе пристану, а к нему не пойду; ты — добрый человек, ты меня на свет выпустил! А тот лиходей в землю упрятал!

Немного прошло времени — разорился завистливый брат и из богатого мужика сделался голым бедняком.

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ

Мороз Иванович

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано встава-

ла, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты. Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер — день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху. Идёт она дальше.

Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-се-

дой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой — от волос иней сыплется, духом дыхнёт — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович, — ты ведёрко в мой студенец опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь из льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не

ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка.

Рукодельнице стало жаль бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что ещё не время; ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне её посеяли, она и вошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зёрно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович, — мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить — истопят, а трубу закрыть — не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бельё заштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Мороз Иванович отсыпал Рукодельнице серебряных пяточков в ведёрко. Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко,

а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того вот тебе на память брильянтик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидев её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

— Кукареку-кукареки! У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булабочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку да и бух прямо ко дну. Смотрит — перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как бы не так! Мне себя утомлять — лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь — сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять — ручки поднимать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами падают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — за работу деньга следует, только посмотрим, какова ещё твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготовь, да платье моё повычини, да бельё завыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает: «Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню да и не знает, что делать. Кушать-то она люби-

ла, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да чтоб большого труда себе не давать, как всё было мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостлала.

Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила.

А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да ещё спать её уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе: «Авось и так пройдёт. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целых три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить — разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку — пребольшой брильянт. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

— Кукареку-кукурекулька. У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставление.

Вороватый мужик

Русская народная сказка

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то умер, а другой в дальнюю сторону уехал. Дня три спустя, как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка, пусти ночевать». — «Иди, родимый! Да ты откуда?» — «Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец». — «Ах, золотой мой! У меня сыночек умер; не видал ли ты его?» — «Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили». — «Что ты!» — «Он, бабушка, на том свете журавлей пасёт». — «Ах, родненький, чай он с ними замаялся?» — «Ещё как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику бродят». — «Чай, он обносился?» — «Ещё как обносился-то, совсем в лохмотьях». — «Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублей с десятков денег; отнеси к сынку». — «Изволь, бабушка!»

Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мне без тебя

приходил Никонец, с того света выходец, про покойного сына сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублей денег». — «Коли так, — говорит сын, — прощай, матушка! Я поеду по белому свету; когда найду глупее тебя — вернусь!» Повернулся и пошёл в путь-дорогу.

Приходит в господскую деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала это из окна барыня и говорит девке: «Ступай спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьёшь?» — «Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в свадебный поезд¹?» Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурень! Просит свинью на свадьбу, да ещё с поросятами. Ну что ж! Пусть над ним люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть не пешком идёт на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в неё наряженную свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама

¹ Свадебный поезд — славянский свадебный обряд; свадебная процессия жениха, направляющаяся за невестой, сопровождающая молодых к венчанию и в дом жениха.

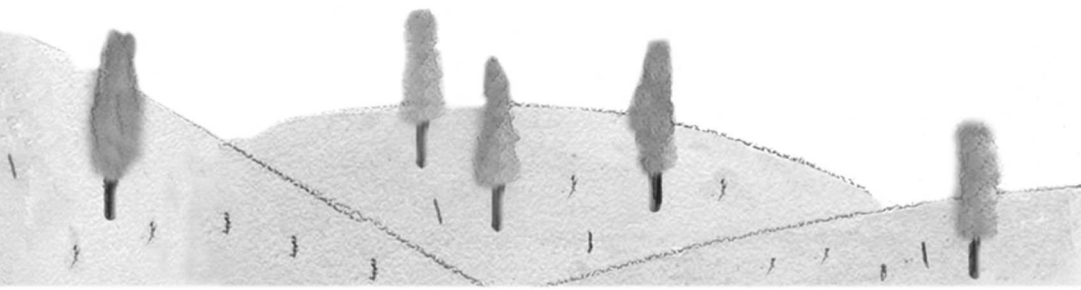
со смеху помирает: «Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра — моей жене сестра, и просил её к своему сыну в свахи, а поросят в свадебный поезд». — «Я знаю, — говорит барин, — ты её отдала». — «Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парой лошадей». — «Да откуда мужикто?» — «Не знаю, голубчик!» — «Это, выходит, не мужик — дурень, а ты!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из дома и поскакал в погоню.

Слышит мужик, что барин его догоняет, завёл лошадей с повозкой в густой лес, а сам снял с головы шляпу, положил её на землю и сел рядом. «Эй ты, борода! — закричал барин. — Не видал ли — не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Ещё у него свинья с поросятами в повозке». — «Как не видать! Уж он давно проехал». — «В какую сторону? Как бы мне его догнать!» — «Догнать — не устать, да поворотов много; того и смотри заплутаешь¹. Тебе, чай, дороги неведомы?» — «Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!» — «Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпой сокол сидит». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри, ещё выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживёт». — «А сколько она стоит?» — «Да рублей триста будет». — «Ну коли упусти, так заплачу». — «Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет — не знаю». —

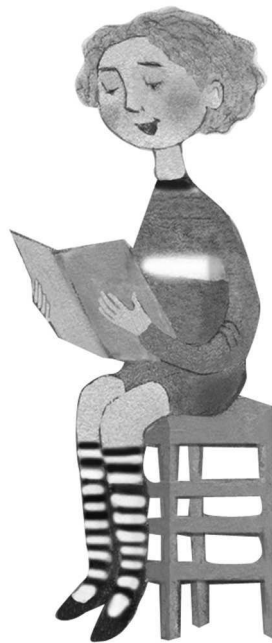
¹ Заплутать — заблудиться.

«Какой недоверчивый! Ну вот тебе триста рублей на всякий случай». Мужик взял деньги, сел на коня и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплёлся к жене; а мужик уж давно дома. «Ну, матушка, — говорит старухе, — есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что, ни про что дали тройку лошадей с повозкой, триста рублей денег да свинью с поросятами».

Детства
счастливые
годы...

Великие путешественники

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара. Но Стёпка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое Земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти всё прямо, то можно обогнуть всю Землю, и всё равно придёшь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Стёпка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестрёнкой Лёлей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Стёпке перочинный ножик. Стёпке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Стёпка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Лёле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать бельё, мы сделаем, что задумали. Мы пойдём всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не

вернёмся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушёл целый год.

Лёля сказала:

— А если, Стёпочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Стёпа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят, — ответил Стёпа, — тех мы и не будем брать в плен.

Лёля спросила:

— Три рубля нам хватит на это путешествие? Я возьму из моей копилки.

Стёпка сказал:

— Три рубля нам, безусловно, хватит на это путешествие, потому что нам деньги будут нужны лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать разных мелких животных и их нежное мясо будем жарить на костре.

Стёпка сбегал в сарай и принёс оттуда мешок из-под муки. И в этот мешок мы положили хлеб и сахар. Потом положили разную посуду: тарелки, стаканы, вилки и ножи. Затем, подумавши, положили волшебный фонарик, цветные карандаши, глиняный ручкомойник и увеличительное стекло для зажигания костров. И кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Стёпкина мать ушла на речку

полоскать бельё, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Стёпкина собачка Тузик. За ней шёл Стёпка с громадным мешком на голове. За Стёпкой шла Лёля со скакалкой. И за Лёлей, с тремя рогатками, сачком и удочкой, шёл я.

Мы шли около часа.

Наконец Стёпка сказал:

— Мешок дьявольски тяжёлый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несёт этот мешок.

Тогда Лёля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла его, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

— Теперь пусть Минька понесет!

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжёлым.

Но я ещё больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону. Пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причём сначала упал в канаву мешок, а потом на мешок упал я. И хотя я был лёгкий, тем не менее я ухитрился раздавить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Мы с грустью вытащили черепки из мешка. И Стёпка ударил меня по затылку, сказал, что таким, как я, надо сидеть дома, а не пускаться в кругосветное путешествие.

Потом Стёпка свистнул собаку и хотел её приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим.

Тем более что мы и сами не очень-то понимали, как нам под это приспособить Тузика.

Тогда Стёпка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли ещё два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Стёпка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Стёпка сел у дороги, протянув вперед ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая попробовать мой сахар, ужалила меня в щёку.

От этого моя щека вздулась, как пирог. И я захотел вернуться домой. Но Стёпка не позволил мне об этом думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.